

ПОМНИ МОЙ ГОЛОС

САНТА
МОНТЕФИОРЕ

Перевод
Маргариты Лобии

роман

МИ∞

МИФ Проза

Санта Монтефиоре

ПОМНИ МОЙ ГОЛОС

«Манн, Иванов и Фербер»

2023

УДК 82-31(410)
ББК 84(4Вел)6-44

Монтефиоре С.

Помни мой голос / С. Монтефиоре — «Манн, Иванов и Фербер»,
2023 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-214129-6

Масштабная книга об обычных людях, которые переживают трагические исторические события. Корнуолл, 1944 год Жизнь юных влюбленных Флоренс и Руперта рушится, когда начинается война. Руперт пропадает без вести, и Флоренс остается одна с ребенком. Спустя год девушка находит в книге стихотворение, которое начинается со слов «Жди меня, и я вернусь».

Лондон, 1988 год Накануне свадьбы двадцатипятилетнему Максусу снится кошмар, который преследовал его в детстве: он оказывается посреди сражения во время Второй мировой. Раз за разом он просыпается с бешено колотящимся сердцем. В попытках разобраться с ужасным сновидением Макс отправляется в путешествие, которое приводит его в Корнуолл, к человеку по имени Руперт Даш.

Мельбурн, 1995 год Семидесятипятилетняя Флоренс Левесон получает странное письмо... От автора «Помни мой голос» – роман, основанный на реальных событиях. О реальных событиях мне поведал Саймон Джейкобс, я же окутала правду покрывалами вымысла. Думаю, наши читатели захотят узнать, что из всего этого правда, а что – вымысел. История Саймона – сердце романа. Она правдива от первого до последнего слова. Все произошло на самом деле. В детстве Саймона действительно мучили видения о кровопролитных боях с его, Саймоном, участием. Саймон действительно встречался с медиумом, и медиум не только объяснил ему, что подобные видения – воспоминания о прошлой жизни, но и предсказал, что Саймон напишет книгу о реинкарнации, ибо в этом и состоит цель его жизни. Саймон на самом деле подвергся регрессивному гипнозу и узнал от гипнотерапевта, что довольно часто переселения душ происходят среди членов одной семьи. И Саймон действительно провел значительные исследования. Все это было. И все это – правда. Кто-то из вас, мои читатели, сочтет наш роман сплошной выдумкой. Что ж, просто насладитесь чтением! Но кто-то, сдернув художественную завесу, приобщится к новому опыту и задумается о целях,

которые наши души преследуют в этом мире. Для кого эта книга Для тех, кто хочет прочитать роман, который вызывает и слезы, и самые светлые чувства. Для поклонников книг Кристин Ханна и Джоджо Мойес. Для тех, кому понравились романы «Жена путешественника во времени» Одри Ниффенеггер, «Ежевичная зима» Сары Джио, «Свет, который мы потеряли» Джин Сантополо. На русском языке публикуется впервые.

УДК 82-31(410)

ББК 84(4Вел)6-44

ISBN 978-5-00-214129-6

© Монтефиоре С., 2023

© Манн, Иванов и Фербер, 2023

Содержание

Пролог	9
Глава первая	15
Глава вторая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Санта Монтефиоре

Помни мой голос

Original title:
Wait for me
by Santa Montefiore

Все права защищены.

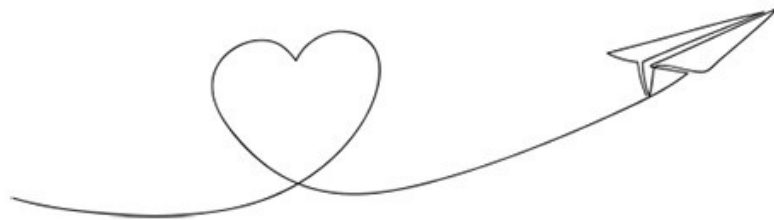
Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Copyright © 2023 by Montefiore Ltd. This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

© Симонов К. М., наследники, 2023

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

*ПО РАССКАЗУ САЙМОНА ДЖЕЙКОБСА.
ОСНОВАНО НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ*

*Моей чудесной жене Анне-Лизе за терпение и любовь и нашим
детям Амелии, Бенджамину и Ханне за ту радость, которую они дарят
нам обоим.*

Саймон Джейкобс

*Себагу, Лилочке и Саше – ветрам, поднимающим меня ввысь.
Санта Монтефиоре*

*Да, был я здесь давно.
Когда, зачем те дни молчат.
В дверях я помню полотно,
Трав аромат,
Вздых ветра, речки светлое пятно.*

*Я знал тебя давно.
Не помню встреч, разлук, мой друг:
Но ты на ласточку в окно
Взглянула вдруг,
И прошлое – ко мне пришло оно.*

*Все было уж давно?
И времени, унесишь прочь,
Как жизнь, вернуть любовь дано:
Смерть превозмочь
И день, и ночь пророчить нам одно?¹*

«Внезапный свет», стихотворение Данте Габриэля Россетти (1828–1882)

---

¹ Пер. Владислава Некляева (литературный псевдоним – Вланес). Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.

Пролог

Южная Австралия, декабрь 1995 года

Мэри-Элис Делавэр перечитала письмо. Нелепость. Абсолютная бессмыслица и, учитывая обстоятельства, дерзость. Всё это было настолько абсурдным, что она не сразу осознала, как громко смеется. Оторвавшись от письма, Мэри-Элис бросила взгляд на дворовую лужайку, где мелькала широкополая мамина шляпа. Флоренс Левесон выпалывала сорняки на клумбе и подвязывала к опорным колышкам разросшиеся стебли дельфиниумов. Уверенная, что праздность разъест ее кости, как ржавчина – автомобиль, Флоренс Левесон в свои семьдесят шесть лет ни минуты не сидела без дела. «Активность – главный закон сохранения энергии», – твердила она, копаясь в саду, прогуливаясь с бассетом Базом, выпекая пироги, играя на фортепиано и, к немалому замешательству дочери, занимаясь йогой. Лицезреть ее мать, облаченную в лайкру, Мэри-Элис никому бы не пожелала.

Показать ей письмо или нет?

Мэри-Элис решила повременить. В конце концов, торопиться некуда. Флоренс наверняка выбросит письмо в мусорную корзинку. Не то чтобы ее матери доставало чувства юмора. Напротив, подтрунивать над собой и окружающим миром Флоренс умела лучше всех знакомых Мэри-Элис. Смех – чудесный бальзам, заживляющий сердечные раны. Бесценный дар для тех, кто, как ее мать, пережил страшнейшие потрясения. Мэри-Элис не сомневалась, что если кто-то и способен по-настоящему оценить безумие послания, то это Флоренс. И все же... И все же что-то не давало ей покоя. Тень сомнения, предчувствие, что именно теперь матери изменит ее прославленное чувство юмора. Тогда Мэри-Элис пожалеет, что показала ей письмо. Надо действовать осторожно. Такие письма не забываются.

На конверте значилось имя Мэри-Элис Делавэр, но само письмо было адресовано Флоренс Левесон. В записке, вложенной в конверт, отправитель без всяких намеков пояснял, что решение, показывать содержимое матери или нет, ложится на плечи Мэри-Элис. Хотя бы в этом отправитель проявил такт – позволил Мэри-Элис первой ознакомиться с письмом и затем сделать выбор. Надо отдать ему должное – по всей видимости, он думал над каждой строкой, заботливо подбирал каждое слово. Вообще-то письмо было восхитительным. настолько восхитительным, что очаровало Мэри-Элис. В этом и состояла загвоздка, над которой Мэри-Элис ломала голову. Отправитель, человек явно образованный и утонченный, не походил ни на сумасшедшего, ни на человека с недобрыми намерениями. Тем не менее письмо оказалось крайне деликатным и, что ж, эксцентричным.

– Мам, может, чаю? – прокричала она с веранды.

Флоренс, выросшая в Англии, не забывала о традициях и в пять часов пополудни баловала себя классическим «Эрл Греем», бутербродами с яйцом и шнитт-луком, кусочком пирога или тостом с маслом и густой австралийской пастой «Веджимайт». О фигуре Флоренс не заботилась. Тоненькая девушка с осиной талией и длинными стройными ногами давно канула в прошлое, а ее место заняла молодая женщина с озорными морщинками, прячущимися в уголках губ и глаз, и светлым лицом, которое не смогли испортить ни безжалостное солнце Австралии, ни солнце Индии – страны, где Флоренс провела детство. Флоренс никогда не поддавалась высокомерию, даже в юности, когда на нее откровенно заглядывались. Особое восхищение вызывали ее длинные мягкие волосы – настоящая густая грива. Она собирала их в небрежный пучок, и непослушные светлые локоны каскадом струились по шее и вискам. Со временем волосы потемнели, а затем начали сесть, и теперь по всей голове Флоренс тяну-

лась широкая серебристая полоса, за которую внуки окрестили Флоренс «барсуком». Вряд ли кому-нибудь из женщин польстило бы сравнение с барсуком, но Флоренс пришла от этого прозвища в восторг.

– С удовольствием! – отозвалась она, смахивая тыльной стороной ладони пот с бровей.

Солнце пекло невыносимо, и Флоренс с радостью отдохнула бы в тени. Сняв садовые перчатки, она быстро перешагнула через низенький заборчик, ограждавший клумбу. Дремавший под грушевым деревом Баз сел и выжидательно склонил морду.

– Вот уж не думала, что сад когда-нибудь так пышно расцветет. Я словно переместилась в Англию, – воскликнула Флоренс и широко улыбнулась. – Такое ощущение, что дождь идет не переставая. А взгляни на милых пчелок! Они пьяны от нектара. Пьют совсем как дядюшка Реймонд. Вот уж кто любил заглянуть в паб. Ни одной возможности не упускал.

Мэри-Элис расхохоталась. Ее мать любила поговорить о прошлом, и годы, проведенные в Англии, были самыми дорогими ее сердцу воспоминаниями. Мэри-Элис ушла в дом вскипятить чайник. Возможно, в такую жару холодный лимонад освежил бы намного лучше, однако мама была непреклонна: только чай и только с молоком, по-английски. Мэри-Элис закинула пару чайных пакетиков в заварочный чайник и достала из холодильника бисквитный пирог. Когда она снова появилась на веранде, Флоренс сидела в кресле-качалке, а рядом, положив голову ей на колени, пристроился Баз. Флоренс обмахивалась журналом и напевала старинную, неизвестную Мэри-Элис песенку.

– Знаешь, когда я была маленькой и жила в Фолкстоне, дядюшка Реймонд каждое Рождество водил нас в театр, – блаженно улыбнулась Флоренс и рассеянно потрепала База по макушке. – Семейная традиция, ничего не попишешь. Но как мы ждали этого дня. Просто изнывали от нетерпения. Я с ума сходила от «Питера Пэна». Мне жутко повезло, я видела в роли Питера саму Джин Форбс-Робинсон! «Если верите в фей, хлопните в ладоши!» И мы хлопали, не жалея сил, и Динь-Динь оживала. Ах, это было чудесно.

Мэри-Элис разлила чай по кружкам и протянула матери блюдце с куском пирога. Баз приподнял голову и заинтересованно принялся. Флоренс поставила блюдце на журнальный столик.

– Жаль, я не помню, как праздновали Рождество в Англии, – вздохнула Мэри-Элис. – Огонь в камине, мороз. Снег и сани Санта-Клауса. Красота...

– Да, Рождество в жару – это не то. Рождество должно хрустеть, обдавать холодом и сверкать, как рождественская открытка. Сколько тебе было, когда мы сюда переехали? Четыре года?

– Три, – поправила Мэри-Элис и пожала плечами. – Ну да ладно. Чего не помнишь, о том не сожалеешь. В австралийском Рождестве тоже есть своя прелесть.

Флоренс отодвинула блюдце с угощением подальше от База и уронила в чашку с чаем кусочек сахара.

– На Рождество мы уезжали к бабушке с дедушкой. Я обожала гостить у них. Ты ведь знаешь, что мой папа скончался почти сразу после того, как мы покинули Индию и возвратились в Англию. Поэтому мама, Уинифред и я отправлялись на рождественские каникулы в Корнуолл, к маминим родителям. Они владели огромным великолепным поместьем под названием «Мореходы» и собственным пляжем в заливе Гулливера. Очень сомневаюсь, что пляж до сих пор в частной собственности, но в то время он безраздельно принадлежал нам. От дома к морскому гроту на берегу вел подземный тоннель. В эпоху Наполеоновских войн контрабандисты использовали грот для своих махинаций: переправляли спрятанные там тюки с шерстью на рыбацьи лодки, ждавшие в заливе, и меняли их на коньяк и кружева. О, это было волшебное место.

– Потрясающее, – поддакнула Мэри-Элис, слышавшая эти истории сотни раз.

– Я любила Рождество, – продолжала Флоренс. – Помню, как у меня замирало сердце, когда я дотрагивалась ногой до рождественского чулка, подвешенного у изножья кровати, и слышала таинственный хруст. О бабушкиной щедрости ходили легенды, она совсем нас избаловала. Доверху наполняла наши рождественские чулки подарками. Первым делом мы с Уинифред запускали руки на самое дно, где лежали мандарины, завернутые руками торговца в серебристую бумагу. Это сейчас на мандарины никто и не взглянет – подумаешь, диковинка, а в моем детстве они были на вес золота, их везли кораблями прямым из Марокко.

Флоренс тихо рассмеялась, отхлебнула чая и глубоко, по навязчивой привычке, одолевшей ее в старости, вздохнула.

– А каким богатым был рождественский стол... – Флоренс погрузилась в стремительно нахлынувшие воспоминания. – Конечно, я изнывала в предвкушении десерта. Десерт приносили до того, как мы уходили из гостиной, чтобы мужчины могли насладиться портвейном, и сразу после того, как мы расправлялись с рождественским «Стилтоном» – сыром с голубой плесенью. «Стилтон» украшали веточками сельдерея и подавали на тонюсеньких, почти просвечивающих печенках от кондитерской фирмы «Танбридж Уэллз». На десерт у нас всегда был отборный английский шоколад фабрики «Шарбоннель и Уокер» в коробочках в несколько ярусов с серебристыми язычками и нежнейшие, тающие во рту «Карлсбадские сливы». Ах, и еще, конечно, изумительные засахаренные фрукты *fruits glacés* и глазированные каштаны *marrons glacés* из Франции. Моя мама жить без них не могла.

Флоренс надкусила пирог и втянула носом аромат свежей выпечки.

– М-м-м, божественно. Нет, Баз, даже не проси! Ох, ну хорошо-хорошо, на, держи.

Отломив маленький кусочек торта, Флоренс закинула лакомство в пасть собаки.

– В заливе Гулливера мы всегда пили чай с бисквитным пирогом.

– Я столько всего наслушалась про залив Гулливера, что мечтаю как-нибудь там побывать, – призналась Мэри-Элис, хотя, по ее ощущениям, она уже бывала там неоднократно.

– Увы, я слишком стара для путешествий, иначе самолично отвезла бы тебя в Англию, – горько посетовала Флоренс. – Даже не знаю, кому сейчас принадлежит дом. Господи, да ведь в нем могли открыть гостиницу или пансионат! И представить страшно! Полагаю, сейчас людям неинтересны величественные особняки, где обитые зеленым войлоком двери отделяют комнаты для прислуги от остальных помещений. Да и прислугу больше не держат, верно? Теперь это непозволительная роскошь. В наши дни все было иначе. Мои бабушка с дедушкой, убежденные викторианцы, отличались крайним консерватизмом и, я бы сказала, мнили себя важными птицами. Слуг мы воспринимали как должное, хотя теперь, оглядываясь назад, я понимаю всю тяжесть их положения. У них не было ни единой свободной минутки, да и платили им, вероятнее всего, сущие гроши. И все-таки мы жили в возвышенном мире, но потом разразилась война и от него не осталось и камня на камне.

Флоренс вздохнула, снова откусила от пирога и облизнулась, наслаждаясь его сладостью. Баз пустил слюни, но Флоренс, подхваченная волною воспоминаний, не заметила его вожделяющих, буравящих пирог глаз.

– Два брата моего отца погибли в Первую мировую. Никто не допускал и мысли, что мы развяжем новую войну, причем так скоро. Какая наивность! Мы думали, что уроки Первой мировой не пройдут даром, но люди не пожелали ничему учиться. В этом-то и беда: люди никогда ничему не учатся.

Мэри-Элис подлила себе чая.

– Расскажи еще про залив Гулливера, – попросила она.

Ей хотелось отвлечь мать от войны. Она прекрасно знала, куда заводят подобные болезненные воспоминания – в омут страданий.

– Я была неверующей, но страсть как любила ходить в церковь, – оживилась Флоренс. – Мне нравился викарий, преподобный Миллар: маленький лысый шепелявый толстячок с без-

дной обаяния и энергии. Неважно, что он изрекал, все его суждения казались столпами мудрости. Таких викариев на свете – пересчитать по пальцам. Какая харизма! Какой огонь! Если бы все священники были ему под стать, народ валил бы валом в церкви. Однако... – Флоренс плутовато усмехнулась, – не только викарий вдохновлял меня на посещение церкви каждое воскресное утро. О нет. Меня влекло к Обри Дашу.

Мэри-Элис склонилась над чашкой и улыбнулась. Эту историю она вытвердила наизусть, однако не собиралась лишать Флоренс удовольствия в очередной раз погрузиться в приятное прошлое.

– Одно имя чего стоит, – поддакнула она. – Такое романтичное.

– Я исписала этим именем весь дневник, – рассмеялась Флоренс, сверкнув зелеными глазами. – Выводила на каждой странице «Обри Даш», а затем – «Флоренс Даш», чтобы посмотреть, как будут сочетаться в замужестве мое имя и его фамилия. Смешно, да, учитывая, как оно все обернулось? Он меня почти не замечал.

Флоренс пожала плечами и отхлебнула чая.

– Почему? В голове не укладывается. Ты была обворожительна, мам.

– И очень юна, не забывай. Давай считать, что я расцвела довольно поздно. Наша семья сидела на одной церковной скамье, а его семья – на другой. Я украдкой бросала на него взгляды и слепла от его великолепия. Взгляды искоса – вот и все, что я могла себе позволить. Да и то, чтобы не пялиться на него безостановочно, я приучила себя любоваться им урывками, через определенные промежутки времени. Так я выдерживала, наверное, пять-шесть минут, хотя порой доходило и до пятнадцати. Но самое прекрасное мгновение наступало, когда мы подходили к причастию. И где бы я ни стояла – впереди или позади него, – чувствовала исходящее от него тепло. Пару раз он даже посмотрел на меня, и я заалела с головы до ног.

Флоренс закинула в рот последний кусочек торта и сладострастно облизала пальцы.

– Прости, Баз, ничего не осталось.

Баз покорно вздохнул и снова уложил голову ей на колени.

– Обри был красивый мальчик, – закатила глаза Флоренс. – Дьявольски красивый. Высокий, не чета его ровесникам-коротышкам, с чарующими серыми глазами, длинными черными ресницами и пухлыми губами. Полные губы в Англии достаточно редки, как я обнаружила впоследствии. Но у Обри был идеальный рот.

– Ой, мам, какие подробности, – прыснула Мэри-Элис.

– Губы очень важны, Мэри-Элис. Не очень-то приятно целоваться с мужчиной, у которого пасть как у акулы.

Обе женщины покатались со смеха.

– Ты права, приятного мало, – согласилась Мэри-Элис. – Но я поражаюсь, как ты помнишь такие мелочи.

– Милая моя, неужели ты позабыла свою первую любовь?

– Разумеется, нет, но детали стерлись из памяти.

– Доживешь до моих лет, и воспоминания начнут возникать прямо из воздуха. Будешь окапывать бузину, и вдруг – бам! – из глубин твоего подсознания выскочат давным-давно позабытые видения прошлого и замаячат, словно пузыри, перед глазами. А вместе с воспоминаниями, поверь, к тебе вернутся преданные забвению чувства, и ты снова превратишься в девочку, стоящую в ожидании святого причастия в церковном проходе за спиной Обри Даша и молящую о том, чтобы Обри обернулся и взглянул на нее. – Флоренс, не одобряя поведения своей молодой ипостаси, укоризненно покачала головой. – Ах, как несведуще сердце юной девушки. Как многому ему приходится учиться.

Опустив чашку с чаем, Мэри-Элис сунула руку в карман. Письмо жгло ее пальцы, требовало внимания. Но тут вдалеке на дороге взметнулось облачко пыли. Оно росло, поднявший

ее грузовик приближался, и по глазам женщин нестерпимо ударил блеск металлической окантовки фар, вспыхнувших в свете солнца.

– А вот и Дэвид, – воскликнула Мэри-Элис, вынула руку из кармана и поднялась из-за стола.

Письмо подождет.

– Вернусь-ка я в сад, – произнесла Флоренс, выбираясь из кресла-качалки.

– А не пора ли тебе закругляться?

– Сейчас только шесть часов! Нет-нет, впереди еще самое интересное. Лучисто-золотой вечер. Мой любимый. – Флоренс вздохнула полной грудью и торжествующим взглядом окинула сад. – Послушай, как щебечут птицы, рассаживаясь среди ветвей! Совсем как в заливе Гулливера. Птицы там, разумеется, были совсем иные, но радости доставляли не меньше. Птичьи трели наполняют меня счастьем.

Поставив чашки и блюда на поднос, Мэри-Элис отнесла их на кухню и снова вернулась на веранду. Дэвид, припарковав грузовик под эвкалиптом, шагал по траве к дому.

– Привет, дорогой. Как прошел день? – спросила Мэри-Элис с веранды, держа в руках холодную банку пива.

Ее муж был в отличной физической форме для мужчины за шестьдесят. Дэвид регулярно играл в сквош и теннис, бегал, если позволяло время, и занимался скалолазанием. Чем старше он становился, тем тщательнее следил за фигурой и тем больше внимания уделял спорту.

Перемахивая через две ступеньки, он взлетел на крыльцо, чмокнул жену в щеку и сбросил на пол сумку.

– То что надо, – выдохнул он, забирая из рук жены банку.

Плюхнувшись в кресло-качалку, он водрузил ноги в красных кроссовках на стол и с металлическим щелчком открыл пиво. Послышалось шипение. Дэвид сделал внушительный глоток и облизал губы.

– Превосходно, – воскликнул он и запустил руку в густые курчавые каштановые волосы, заметно тронутые сединой.

Мэри-Элис опустилась на стул, на котором сидела несколько минут назад, и обратилась в слух. Ее муж и его школьный друг Брюс Диксон были совладельцами местной строительной компании, и, приходя с работы, Дэвид рассказывал жене занимательные истории о заказчиках. Сложись все иначе, Мэри-Элис непременно показала бы мужу письмо: обычно она ничего от него не скрывала, – но сейчас что-то ее останавливало. Письмо было чересчур странным. Дэвид наверняка от души посмеется над ним и посоветует выкинуть его в мусорку. Какая-то часть Мэри-Элис мечтала так и сделать, но у Флоренс было право увидеть письмо. В конечном счете кто такая Мэри-Элис, чтобы решать за мать, читать ей письмо или нет?

Флоренс помахала Дэвиду из-за ограды и, довольно напевая, вернулась к работе. Немного замешкалась, наблюдая за вьющимися над лавандой пчелами. «Какие же они восхитительно пухленькие и трудолюбивые», – умилилась она. Одна из пчел взлетела, и Флоренс подивилась, как она удерживается в воздухе на столь маленьких, казалось бы, крылышках. Доносившиеся с веранды голоса Мэри-Элис и Дэвида тонули в птичьем гомоне устраивавшихся на ночлег пернатых. Солнце медленно опускалось за горизонт, окрашивая равнину неровным розовато-золотистым светом. Вскоре на небе вспыхнула первая звездочка, и вот уже незаметно подкрапывающаяся ночь укутала сад сумеречным одеялом. Наступила тишина, в которой были слышны лишь уханье сов и трели сверчков. Флоренс не спешила заходить в дом. Она обожала находиться на природе. С тех пор как переехала из города в штат Виктория, на восхитительную ферму Мэри-Элис и Дэвида, она наслаждалась каждым прожитым мгновением. В городе у нее была квартира с просторным внутренним двориком, заставленным горшками с растениями и цветами, но сердце ее тосковало по сельским пейзажам, жаждало покоя и безмятежности. Ей

не хватало шелеста листьев на слабом ветру, нежности и мягкости окружающего ее пейзажа, вольного дыхания и – где-то глубоко в душе – чувства сопричастности к этому миру.

Баз встал на лапы и потянулся, всем видом намекая, что пора закругляться.

– Что ж, пойдем, старичок. – Флоренс зашагала к дому, поднялась по ступенькам и распахнула затянутую москитной сеткой дверь.

Вновь застрекотали сверчки, обрушив на мир сокрушительную какофонию звуков. Птицы унялись, и на равнину темно-синей вуалью опустилась вечерняя благодать.

Мэри-Элис колдовала над ужином. Дэвид поднялся наверх принять душ. Флоренс налила вина, зачерпнула в горсть льда и кинула его в бокал.

– Присоединишься? – спросила она у дочери.

– Спасибо, не откажусь.

Флоренс наполнила вином и второй бокал.

– Тебе помочь?

– Нет, отдыхай.

– Ну, тогда я понежусь в ванне.

– Отлично.

– И бокал с вином захвачу. Так по-декадентски. Будто полвека с плеч сбрасываю. После войны нам разрешалось заполнять ванну только по щиколотки, представляешь? Ванна, где вода плещется о края, до сих пор кажется роскошью.

Мэри-Элис отодвинулась от плиты, пошарила в кармане и выудила письмо.

– Вот, мам, держи, сегодня пришло. Хотела тебе отдать, но забыла.

Флоренс недоверчиво сощурилась: с каких пор Мэри-Элис страдает провалами в памяти?

– От кого? – подозрительно спросила она, косясь на дочь.

Лицо Мэри-Элис подсказало ей, что это необычное письмо.

– Думаю, тебе лучше узнать самой.

Флоренс нахмурилась и повертела в руке конверт, вчитываясь в незнакомый почерк.

– Ладно, возьму его с собой наверх, – усмехнулась она. – Бокал вина, восхитительное омовение и загадочное письмо. Денек удался.

– Не уверена, – судорожно выдохнула Мэри-Элис.

– Ты его прочла? – удивилась Флоренс, только сейчас заметив, что письмо распечатано.

– Пришлось.

– И?

– Своеобразное. Но ты все равно прочти.

– Заинтриговала. Может, мне следует его открыть здесь, вместе с тобой? Не боишься, что я дочитаюсь до сердечного приступа?

– Не-а, – хихикнула Мэри-Элис, – ознакомься с ним в ванне. Только лучше прихвати не бокал, а бутылку.

– Все настолько плохо?

– Нет, просто странно.

Флоренс поверила дочери на слово и с бутылкой вина в одной руке и письмом и бокалом – в другой медленно поднялась по лестнице. Погрузившись в душистую воду, она вытерла руки о фланелевое полотенце, нацепила очки для чтения и вытащила из конверта письмо.

«Уважаемая миссис Левесон, позвольте представиться...»

Глава первая

Залив Гулливера, Корнуолл, 1937 год

Неукротимый пыл, охватывавший преподобного Миллара всякий раз, когда он вещал с церковного амвона, преображал викария, словно по волшебству, и внимавшая ему паства видела перед собой исполина, великана с блестящим, как бильярдный шар, лысым черепом, розовыми, как у мальчика-хориста, щеками и кустистыми бровями, которые, стоило викарию удариться в рассуждения, оживали и, наподобие двух напившихся гусениц, изгибались самым причудливым образом. Шепелявость могла бы сделать из викария посмешище, если бы страстная, искренняя вера и мудрость не пропитывали каждое произносимое им слово. Преподобный Миллар вдохновлял и зажигал сердца паствы – все сердца, за исключением одного.

Флоренс Лайтфут сидела посреди церковной скамьи вместе с бабушкой и дедушкой, Джоан и Генри Пинфолдами, дядюшкой Реймондом, сестрой Уинифред и мамой Маргарет. Пока все, держа спины прямо, тарачились на викария, Флоренс не отрывала глаз от скамьи по другую сторону прохода, где столь же чинно и чопорно восседало семейство Дашей. Флоренс притворялась, что увлеченно слушает преподобного Миллара, и временами, чтобы ни у кого не возникло в том и тени сомнения, благосклонно кивала или издавала одобрительный смешок, но, откровенно говоря, не улавливала из проповеди ни звука, так как все внимание сосредоточила на девятнадцатилетнем Обри.

Здравомыслящая Уинифред определяла чувства младшей сестры метким словом «втюрилась». Но Флоренс, которой стукнуло без четверти восемнадцать, упорно заявляла, что Уинифред ошибается. «Втюрилась» предполагало что-то поверхностное и быстро проходящее, напоминало ей детскую увлеченность куклами – мимолетную забаву, оставляющую лишь горькие сожаления о бездарно потраченном времени. Чувства же, питаемые ею к Обри Дашу, вне всякого сомнения, были намного глубже и долговечнее. Флоренс не допускала и мысли, что когда-нибудь перестанет любить Обри. Ибо Флоренс любила его. Любила безоговорочно и безусловно. Флоренс знала, что такое настоящая любовь. Она прочла столько любовных романов!

Загвоздка состояла в том, что Обри не замечал Флоренс. Серьезный, как и все прихожане, Обри неподвижно сидел, выпрямив спину. Вдруг викарий рассказал какую-то шутку, и Обри скривился: вокруг его губ и глаз собрались лукавые морщинки, и юноша, сдержанно фыркнув, расплылся в улыбке. Улыбка Обри произвела на Флоренс эффект разорвавшейся бомбы. Девушку охватила эйфория, и грудь ее расширилась от неземного восторга, родственного религиозному экстазу. Заметив преподобный Миллар волнение Флоренс, и он, несомненно, воодушевился бы, приписав девичьи переживания своему красноречию. Приоткрыв рот, Флоренс в немом обожании созерцала Обри. Острый локоть сестры, захвативший ей под ребра, вернул ее с небес на землю, точнее, на церковную скамью. Флоренс обернулась и смерила Уинифред уничижительным взглядом. Уинифред ответила ей тем же и постучала изящными ноготками, покрытыми красным лаком, по молитвеннику, призывая Флоренс сосредоточиться на проповеди. Тщетно. Не в обычае Флоренс было следовать приказам или подчиняться правилам. О нет – приказы и правила только побуждали ее мятежный дух изыскивать новые способы неповиновения. Несколько минут она неотрывно смотрела на викария, а затем, почувствовав, что бдительность сестры ослабла, вновь обратила взор на Обри, как на негасимый маяк, сияющий ей в темноте.

Обри был до невозможности красив. И с возрастом его красота только расцветала. Флоренс тянуло к нему с тех самых пор, как ей открылась разница между мальчиками и девочками.

В паре миль от залива Гулливера высился гигантский особняк с теннисным кортом и бассейном – владения семейства Дашей. А вокруг расстились принадлежавшие им обширные угодья и пастбища, поскольку Уильям Даш, отец Обри, мнил себя джентльменом-землевладельцем. Особняк дедушки Флоренс, хоть и уступал по размаху обиталищу Дашей, превосходил соседскую усадьбу великолепным видом на море и собственным пляжем. От поместья Дашей его отделяла лишь коротенькая велосипедная дорожка. Учитывая, что Уинифред была одних лет с Обри, а близнецы Джулиан и Синтия, брат и сестра Обри, – ровесники Флоренс, не было ничего удивительного в том, что оба семейства сдружились.

Даши были многочисленным кланом, и во время школьных каникул их особняк наводняли родственники всех возрастов. В отличие от Маргарет, матери Флоренс, которая после свадьбы отправилась с мужем вначале в Египет, а после в Индию и оттого растеряла почти всех английских подруг, родители Обри родились и выросли в Корнуолле и знали в окрестностях всех и каждого. С легкостью и присущим только им изумительным вкусом, восхищавшим жителей графства, они проводили долгие летние месяцы, устраивая званые вечера, организовывая пикники, лодочные прогулки и теннисные турниры и с неутомимым энтузиазмом вовлекая в свой круг новых знакомых. Их радушие не знало границ. На их семейном гербе, обзаведись они таковым, несомненно, блистал бы девиз: «Чем больше, тем веселее». Иное дело – Маргарет Лайтфут. Робкая и впечатлительная, она впадала в беспросветное отчаяние, когда наступала пора благодарить хозяев соседних усадеб за гостеприимство и приглашать их хотя бы на самый скромный ужин. Чтобы не тронуться рассудком, она перекладывала хлопоты на плечи надежной, предусмотрительной и хладнокровной Уинифред, истинной дочери своего отца, и плечи Джоан, добрейшей и терпеливейшей матери, снисходительно относившейся к слабостям Маргарет. О Флоренс речи не заходило: от этой избалованной эгоистки никто помощи не просил и не ждал.

И хотя пиршественные обеды и ужины завоевали Маргарет репутацию добросердечной хозяйки и произвели благоприятное впечатление на многочисленные семейства, проживавшие в заливе Гулливера, семейство Даш продолжало вносить разлад в душевный покой матери Флоренс. Уже одно то, что в сравнении с элегантной и изысканной Селией Даш, с волшебными иссиня-черными волосами, Маргарет Лайтфут казалась себе облезлой гиеной, вздумавшей тягаться со светской львицей, лишало ее последних капель уверенности. Что до Уильяма Даша, не уступавшего Селии в красоте, то особый шарм ему придавали безмятежная расслабленность и манеры человека, заботившегося лишь о теннисных турнирах да о черном лабраторе Хантере, постоянно удиравшем в город. Перемена погоды землевладельца Уильяма Даша не волновала. Основной доход он получал от наследственных капиталов, а не от росших на его полях злаков. Не тревожил он себя и заботами о домашнем хозяйстве, так как тем ведала Селия. Под ее командованием беззаветно преданные ей повара, горничные, дворецкие, садовники и шоферы работали как хорошо отлаженный механизм. Селия обладала неоценимым даром: она умело внушала слугам, что, кроме них, с этой работой никто не справится, а их поле деятельности – вотчина, где они являются законными властелинами. Слуги преисполнились гордости и трудились не покладая рук, доказывая свою незаменимость. У Маргарет волосы на голове шевелились от ужаса, когда она представляла, что за бесчисленные благодеяния Уильяма и Селии рано или поздно наступит расплата и ей придется пригласить Дашей на ужин.

Флоренс тревожения матери не касались, и тем утром в церкви она прожигала взглядом спину Обри, хотя Обри – поразительно! – никак на это не реагировал. Конечно, Флоренс не блистала классической красотой, однако шаловливый задор и живость ума придавали ей особый шарм в глазах большинства мальчишек-сверстников. Большинство, но не Обри. По неведомым Флоренс причинам Обри был поглощен незнакомой девицей, свалившейся этим летом на Дашей как снег на голову. Старинная французская приятельница Селии прислала

к Дашам дочь, чтобы та попрактиковалась в английском. И теперь Обри Даш не отрываясь смотрел на точеную фигурку Элиз Дюжарден, девушки с темными испуганными глазами оленка, выскочившего на неведомую полянку. Вероятно, его очаровали ее настороженная беспомощность, неземная хрупкость, своеобразие и аристократичность. Она сидела перед ним на скамье, зажатая с боков его крепко сбитыми двоюродными сестрами Бертой и Джейн Клэрмонт, и не походила ни на одну девушку, когда-либо виденную им в церковной общине.

На Флоренс французенка впечатления не произвела, и Флоренс, скользнув по ней равнодушным взглядом, тотчас о ней позабыла. Обычная серая мышь, только курчавая. Опасности не представляет. Опасность – и немалую – представляли совсем другие девушки залива Гулливера. Например, две ее явные соперницы: высокая, женственная Натали Картер или огненно-рыжая Джинджер Лейтли. Обе на год старше Флоренс и гораздо искушеннее ее. Кудрявая французенка не годилась им и в подметки, смотри на нее или не смотри. И что только Обри в ней нашел?

Служба кончилась. Прихожане высыпали на улицу и, нагуливая аппетит перед воскресной домашней трапезой, по устоявшейся традиции сбились в кучки, дабы посплетничать и обменяться новостями. Даши, как водится, пригласили на воскресный обед викария. Обри задержался на церковном пороге, благодаря преподобного Миллара, и Флоренс краем уха уловила, как викарий сказал:

– Тешу себя надеждой послушать твой французский.

Обри смущенно хихикнул.

– Боюсь, наша гостья сочтет мое знание языка удручающим.

«О чем это они?» – мысль мелькнула в голове Флоренс и тут же пропала – подошла ее очередь жать руки преподобному Миллару и возносить хвалы его неподражаемой проповеди, из которой девушка не слышала ни слова.

День радовал солнцем и освежающим ветром, дувшим с залива Гулливера. Церковь из серого гранита, возведенная в тринадцатом столетии, за годы своего существования претерпела немало изменений, и последняя реставрация, случившаяся в девятнадцатом веке, наградила ее черепичной крышей, на коньке которой примостились три чайки, с неодобрением посматривавшие на снующих внизу прихожан. Увенчанная зубчатыми бойницами и четырьмя высокими угловыми башенками церквушка, напоминавшая средневековый замок, веками противостоявший ударам ливней и бурь, разнежившись, подставляла стены обжигающе-горячим объятиям лета. Лишь когда белая тучка заслоняла собою солнце, по стенам строения ползли причудливые и немного зловещие тени. И все же подлинную жизнь в эту обитель святости приносили не игры света и тени, а гулявшие и беседовавшие подле нее люди. В скромной и дружной общине залива Гулливера многие узнавали друг друга не только по одежде или походке, но и по голосам, особенно если те принадлежали возбужденным молодым женщинам, трещащим без умолку, как сороки. Но кто бы не тараторил на их месте? Последние месяцы перед этим благословенным летом выдались богатыми на события, и девушкам было что обсудить: и восшествие на престол короля Георга Шестого, и кадровые перестановки в коалиционном правительстве – отставку премьер-министра Стэнли Болдуина и назначение на его должность Невилла Чемберлена, и заявления рейхсканцлера Германии Адольфа Гитлера о его намерении вторгнуться в Чехословакию. О войне, однако, почти не упоминали: разрушительные последствия недавней бойни еще не стерлись из людской памяти, и никто не верил, что найдутся безумцы, желающие снова повергнуть мир в прах. И только убеленные сединами старцы, словно натасканные на лис мудрые гончие, тревожно втягивали ноздрями воздух, чуя грядущее зло.

Флоренс отыскала взглядом Обри: пробравшись через толпу и вежливо раскланявшись с соседями, он присоединился к тройке девушек, оживленно болтавших на газоне. Флоренс

сразу признала Берту и Джейн Клэрмонт, а вот робко жмущаяся к ним смуглая незнакомка в темном платье ее озадачила. Кто она? И почему Обри направился прямо к ней?

– А это, дорогая Флоренс, Элиз Дюжарден, – зажурчал у нее над ухом голос миссис Уорбуртон, более известной среди прихожан как Радио Сью, пышногрудой вдовы и местной сплетницы, нисколько не сомневающейся в праведности своего дела – собирать и распространять слухи.

– Здравствуйте, миссис Уорбуртон, – поздоровалась Флоренс.

Обычно Флоренс избегала встреч с Радио Сью, но сегодня у женщины было то, что Флоренс стремилась заполучить любой ценой, – информация.

– Какое-то французское имя, – протянула она, вспомнив, как в разговоре с викарием Обри отозвался о своем знании, точнее, незнании французского языка.

– Разумеется, французское, – фыркнула миссис Уорбуртон, – раз принадлежит французке. Ее маман, да будет тебе известно, познакомилась с Селией в Сорбонне. И Элиз намеревается провести у Дашей целое лето. Кошмар, правда? Все лето гостить в чужом доме. Я так считаю: гость – он что рыба, понерестился пару дней, и до свидания. Но у Дашей безграничное терпение, не так ли? Девчушка вроде ничего собой не представляет, но, как и в каждой французке, в ней есть изюминка.

Смакуя эту самую «изюминку», наделявшую Элиз неизъяснимым очарованием, миссис Уорбуртон зажмурилась. Флоренс так и подмывало согласиться с первой частью ее высказывания, но она сдержалась – она никогда не думала дурно о незнакомых людях и предпочитала вначале пообщаться с ними и уж потом составить о них собственное мнение. Кроме того, она не горела желанием давать Радио Сью лишний повод для сплетен. Даже в столь юном возрасте семнадцатилетней Флоренс хватало ума понять, что друг из миссис Уорбуртон никудашный.

– Как мило, что Обри взял девушку под свое крыло, – нежно улыбнулась Флоренс, наблюдая, с какой рыцарской преданностью Обри опекает застенчивую незнакомку, втягивая ее в общий разговор. – Ей, должно быть, очень у нас неуютно.

Миссис Уорбуртон заколыхалась от смеха, и бледно-лиловый жакет на ее груди предательски затрещал – вот-вот лопнут петли, и пуговицы разлетятся в разные стороны. Любая одежда на миссис Уорбуртон казалась на размер меньше.

– О, за этими тихонями нужен глаз да глаз, – заговорщически прошептала она. – Обри Даш – блестящая партия. Неужто ты думаешь, мадам Дюжарден отправила любимую дочку через Ла-Манш, чтобы та всего-навсего подтянула английский?

– Обри всего девятнадцать! – возмутилась до глубины души оскорбленная Флоренс.

Да как у Радио Сью язык повернулся такое предположить? Обри никогда ни на какой Элиз Дюжарден не женится! Абсолютно очевидно, что Обри женится только на Флоренс Лайтфут!

– Ставки высоки, и глупа та женщина, которая все пустит на самотек. Такой лакомый кусочек, как молодой Обри Даш, уведут у нее из-под носа, не успеет она и глазом моргнуть. Особенно если тыл соперницы прикрывает решительная и целеустремленная мать. Потом меня вспомнишь, я знаю, о чем говорю. Четырех дочек удачно пристроила, и все счастливы. Правда, я ничего не отдавала на волю случая.

– А эти Дюжардены – кто они, вы случайно не знаете?

– Богачи. – Миссис Уорбуртон жадно затрепетала ноздрями. – Толстосумы. На дворе, само собой, не девятнадцатый век, но старые привычки не умирают. Выгодная партия есть выгодная партия, а перезвон денег заглушает сердечные вздохи. Так уж заведено в этом мире. И ничего ты тут не изменишь.

До этой минуты семейное благосостояние, в представлении Флоренс, не играло ни положительной, ни отрицательной роли в счастливом замужестве. До этой минуты Флоренс вообще не задумывалась о деньгах. Ее отец, военный, сражался на полях Первой мировой, где потерял

двух братьев, а после служил в Индии, в Семнадцатом пенджабском полку. В Индии Флоренс и родилась. Она немного помнила эту страну: и заснеженные пики величественных Гималаев, видневшихся из окон их дома в Шимле, и болезнь отца – его желтушное, осунувшееся лицо. В Индии отец подхватил спру – тропическую диарею, редкое, поражающее органы пищеварения заболевание, – и превратился в развалину. Ему пришлось выйти в отставку, вернуться в Англию и прозябать на мизерную пенсию. А вот бабушка и дедушка Флоренс, жившие вместе с прислугой в огромном особняке в заливе Гулливера, купались в деньгах. После смерти отца именно благодаря дедушке, а не завещанным отцом средствам, насколько понимала Флоренс, их семья и поддерживала достойный образ жизни. «Но хорошо это или плохо?» – размышляла она, с интересом и даже некоторой ревностью поглядывая на Элиз Дюжарден. Если Селия Даш и мадам Дюжарден действительно плетут коварную интригу, не разобьют ли они ее мечты о юном Обри?

Скорее домой! Порасспросить обо всем Уинифред. Она точно знает, что к чему. Однако не успела Флоренс повернуть к дому, как ее перехватил мистер Фойл, местечковый подрядчик, и ей пришлось поболтать с ним, так как обрывать его на полуслове было бы неучтиво. Когда же она наконец ворвалась в гостиную «Мореходов», то чуть не задохнулась от сигаретного дыма и пьянящего аромата хереса. Дедушка Генри и дядя Реймонд, холостой брат ее матери, курили сигареты в эркере, а бабушка, Маргарет и Уинифред беседовали, полулежа на диване. Именно так обычно и проходили семейные посиделки: мужчины собирались в одном углу гостиной, женщины – в другом. Дедушку Генри женские тары-бары не интересовали, а дядюшку Реймонда не интересовали женщины как таковые: он хранил верность только одной любимой женщине – своей матери.

Поняв, что план посекретничать с Уинифред провалился, Флоренс скорчила кислую мину и бухнулась на диван рядом с сестрой. Разговор крутился вокруг проповеди преподобного Миллара. Флоренс подавила зевок и надулась: она терпеть не могла бесед, не касавшихся ее лично.

– А тебе понравилась проповедь, Фло? – ухмыльнулась Уинифред, зная, что Флоренс все пропустила мимо ушей.

– Религии мне в школе достаточно. Не хватало еще летние каникулы тратить на церковные нравоучения.

Встревоженная Маргарет бросила на дочь испуганный взгляд.

– Только не вздумай сболтнуть такое при дедушке, – прошипела она. – Нельзя же быть такой неблагодарной.

– Но я же не говорила, что мне не нравится школа! Я просто сказала, что мне не нравятся школьные службы. Слышала бы ты преподобного Минчина! Из самого песок сыпется, а все гундосит себе и гундосит каждое воскресенье. Самое смешное, что некоторые девочки не одну, а целых три службы посещают: богослужение первого часа, утреню и вечерню. Полный мрак. Так и хочется обратиться в другую веру.

Флоренс картинно закатила глаза: она любила разыгрывать драмы. Ни Маргарет, ни тихая, никогда не повышающая голоса бабушка Джоан не знали, как быть со своенравной и дерзкой Флоренс, и потому отослали ее в школу-интернат. Надо признать, это пошло ей на пользу: там ее научили манерам и этикету и привили какие-то зачатки дисциплины; однако отца и его строгой и управляющей руки ей явно недоставало.

– Я слышала, в конце учебного года ты играла в спектакле, – ободряюще улыбнулась Джоан, надеясь отвлечь внучку от бунтарских мыслей и перевести разговор в более безопасное русло.

– Да! – сверкнула глазами Флоренс. Когда речь заходила о театре, ее охватывало пламенное воодушевление. – Я исполняла главную роль в «Двенадцатой ночи».

– Ты была Виолой? – уточнила Джоан.

– Ага. И я блистательно справилась.

Флоренс горделиво улыбнулась. Она знала, что сыграла Виолу отменно.

– А по-моему, – хмыкнула Уинифред, потягивая из бокала херес, – ты немного переигрывала.

– Да что ты понимаешь? – свирепо накинулась на нее Флоренс. – Ты в жизни на сцене не выступала!

– Я думаю, ты была бесподобна, – утихомирила ее Маргарет. – По правде говоря, я слышала, как сидевший передо мной господин признался, что такой изумительной Виолы он никогда раньше не видел. Он сказал: ты дала фору ведущим актрисам лондонских театров.

– Да он пошутил, – отмахнулась от ее слов Уинифред.

– Нет, он говорил вполне серьезно, – возразила Маргарет.

– Вы не забыли, что я намереваюсь стать актрисой? – напомнила им Флоренс.

Джоан метнула испуганный взгляд на сидевшего в эркере мужа, но тот, увлеченный беседой с Реймондом, остался глух к крамольным речам внучки.

– Мне кажется, – мягко осадил ее Флоренс, – в жизни есть занятия поинтереснее театра. И какое-нибудь из них тебя вскоре обязательно увлечет.

– Сомневаюсь. Я твердо решила стать великой актрисой.

– Боюсь, твоему отцу это не понравилось бы. Вряд ли он пустил бы тебя на сцену, – жалобно пробормотала Маргарет и беспомощно оглянулась на старшую дочь, ища у нее поддержки.

– Это верх неприличия, Фло, – бросила Уинифред.

– Верх неприличия? С чего вдруг, Уинни?! С того, что я – благовоспитанная юная леди? И кем же мне, по-твоему, стать? Фрейлиной при королевском дворе? И разгуливать в миленьком белом платьице, держа в обтянутых перчатками руках букетик фиалок? – Флоренс презрительно расхохоталась. – Ты какой-то пережиток Средневековья, Уинни! Мой идеал – женщины, которые сами распоряжаются своими судьбами, а не сидят сложа руки в ожидании женихов.

– Помнится, кто-то собирался выйти замуж за Обри Даша.

Флоренс насупилась и вздернула подбородок.

– Одно другому не мешает. Можно быть замужем и жить полной жизнью, Уинни!

Заметив застывшую в дверях горничную, Джоан предостерегающе вскинула руку:

– Девочки, пора обедать, – затем поглядела на Флоренс, расплылась в улыбке и примирительно сказала: – Солнышко, поверь, когда ты выйдешь замуж, на тебя обрушится столько всевозможных забот, что тебе станет не до театра.

Флоренс, не желая пререкаться, промолчала. Не питая особого почтения к сестре и матери, она тем не менее глубоко уважала старшее поколение: и бабушку, и дедушку.

– Что тут за сыр-бор разгорелся вокруг театра? – пророкотал дедушка Генри, гася окурки и устремляя на младшую внучку грозный взгляд. Его свисающие, как у моржа, усы затрепетали. – Не желаю ничего слышать. Твой отец в гробу перевернулся бы. Скакать по театральным подмосткам – взбредет же такое в голову!

Поманив за собой Флоренс, дедушка прошествовал в коридор, а оттуда – в столовую. Каблуки его лакированных туфель дробно стучали о деревянные половицы. Вслед за дедушкой и Флоренс потянулись остальные домочадцы.

– Я вовсе не замшелый пень и не намерен возводить препоны своей дочери или внучке. Напротив, если они желают трудиться – пусть трудятся. Работа благотворно воздействует на ум, а я убежден, что женский ум нуждается в развитии не меньше, чем мужской.

Дедушка потрепал Флоренс по плечу:

– Не расстраивайся, мы подыщем тебе занятие по душе.

– Но я хочу работать в театре, дедушка, и ни за что не отступлюсь.

– Мы с тобой это уже обсуждали, дорогая. Еще один год поучись вести себя как настоящая леди, а затем мы снова поговорим о твоём желании стать актрисой, если к тому времени ты, конечно, не передумаешь. Осмелюсь предположить, что через год твои мысли будут заняты совершенно другим.

Вообразив себе свадьбу, детишек и прочие женские хлопоты, Генри Пинфолд усмехнулся.

– Я в твоём возрасте мечтал быть пожарным, – встрял дядя Реймонд.

Флоренс, смеясь, обернулась:

– Ты меня разыгрываешь!

– Ну, возможно, я тогда был несколько младше тебя.

– Полагаю, «намного младше» будет ближе к истине, дядя Реймонд. Между желанием разматывать пожарный шланг и оценивать антиквариат в аукционном доме «Бонхамс» пролегал бездна.

– Зато теперь у него собственное дело, – горделиво заметил дедушка Генри, – и ты можешь устроиться к нему на работу. Сортировать папки или готовить ему чай. Ты как, Реймонд, не против?

– Разумеется, нет. Фло, если тебе захочется поработать, я с радостью тебя найму.

– Ой, только не это, – захохотала Флоренс. – Ничего хуже придумать невозможно. Не подумай, что мне не понравилось бы работать на тебя, дядя Реймонд, но, мне кажется, я умерла бы с тоски, если бы каждый день разглядывала бездушные статуэтки. Как представлю себе это – аж глаза слипаются.

– Уверяю тебя: у нас разыгрываются трагедии похлеще, чем в театре, – воскликнул дядя.

Они сели за стол и приготовились к молитве.

– Все возможно, – уступила Флоренс, хотя нисколько не сомневалась, что трагедии в мире актеров не идут ни в какое сравнение с трагедиями в мире антикваров.

Только после обеда Флоренс удалось пообщаться с Уинифред с глазу на глаз. Они вышли в сад, и Уинифред затаила в рот сигарету. Невдалеке, переливаясь в лучах солнца, сиявшего в прозрачной небесной сини, расстилалось море.

– Красотища, правда? – спросила Уинифред и вздохнула: – Люблю это время года. Мы только-только приехали, и впереди у нас целое лето.

– Угу, – кивнула Флоренс. – Будь моя воля, я вообще никуда отсюда не уезжала бы. Почему нет, в самом деле? Почему мама живет в Кенте, хотя все ее родные – здесь?

– Потому что в Кенте она познакомилась с папой и в Кенте они жили, когда вернулись из Индии.

– Глупости. Мама должна продать дом в Кенте и купить жилье здесь.

– Думаю, она не захочет.

– Но нельзя же все время цепляться за прошлое! Сколько времени прошло с папиной смерти! Почему она не вышла замуж во второй раз?

– Господи, Фло, иногда ты поразительно наивна.

Уинифред покачала головой, но Флоренс не сдавалась.

– А что такого? Папа давным-давно умер.

– Всего семь лет назад.

– Большой срок.

– У взрослых время течет по-другому. Кроме того, мама, наверное, и не собирается повторно выходить замуж. Она любила папу. Невозможно представить кого-то на его месте.

– Ты скучаешь по нему, Уинни?

– Беспреданно.

Уинифред глубоко затянулась сигаретой и уголком рта выпустила струйку дыма. Флоренс нахмурилась.

– Я бы тоже хотела сказать, что скучаю по нему «беспрестанно», но не могу. Я его почти не помню. Помню смутно какую-то расплывчатую фигуру. Помню, что он болел.

– Ты была еще маленькой. Мои воспоминания о папе намного ярче.

– Он был богат?

Уинифред в изумлении уставилась на сестру:

– Ну и вопросы ты задаешь. С чего вдруг?

– И все же он был богат? – наседала Флоренс. – Почему никто не говорит о деньгах? Дедушка за нас платит или папа завещал маме достаточно средств?

Уинифред сощурилась:

– Какая-то птичка тебе что-то напела, верно?

– Никто мне ничего не напел. – Флоренс отвела глаза и посмотрела на море: – Просто мысль пришла в церкви. Мы с тобой, ты и я, мы – выгодная партия?

– «Выгодная партия»? – развеселилась Уинифред. – Нет, тут без птички не обошлось. Ну, кто тебе что напел? Выкладывай.

– Ладно-ладно. Радио Сю сказала, что та француженка...

– Элиз Дюжарден.

– Ты ее знаешь?

– Разумеется. Она же гостит у Дашей.

– Ну, в общем, она очень богата, и ее мать и миссис Даш надеются свести ее с Обри.

У Флоренс внезапно перехватило дыхание, а в груди стало тесно.

– А, теперь ясно. – Лицо Уинифред смягчилось. – Понятия не имею, является ли Элиз Дюжарден «молодой дамой, располагающей средствами», если перефразировать Джейн Остин, но одно я знаю точно – дедушка, на взгляд женщин, подобных Селии Даш, более чем состоятелен.

Сердце Флоренс забилось от радости.

– То есть дедуля богат? – в волнении спросила она.

– Не особо, но Селия далека от снобизма, и чужое благосостояние ее не интересует. У нее и без того денег полно. Полагаю, если Обри влюбится в горничную, Селия примет ее как невестку с распростертыми объятиями. Так что, моя дражайшая сестренка, неважно, являешься ты «выгодной партией» или нет. Богатство и положение в обществе для Дашей ничего не значат. Важно только одно – чтобы Обри без памяти влюбился в тебя. – Уинифред сочувственно рассмеялась. – И вот эта задачка, Фло, может оказаться тебе не по зубам.

Флоренс воинственно выпятила челюсть. Если деньги и классовые различия для Дашей – пустой звук, значит, дорога свободна.

– У меня целое лето в запасе, чтобы влюбить его в себя, – уверенно заявила она.

– Не забывай, что в его глазах ты просто ребенок, – охладила ее Уинифред.

– «Что вы так боязливы, малoverные?»² – усмехнулась Флоренс. – Вероятно, я многого не знаю, но кое-что я знаю наверняка: в любом случае я скоро вырасту. В сентябре мне исполнится восемнадцать, а в следующем сентябре – девятнадцать. Затем двадцать, тридцать, пятьдесят и, Бог даст, семьдесят. Возможно, я доживу до восьмидесяти, так что два года разницы между мной и Обри – сущий пустяк.

---

² Новый Завет, Евангелие от Матфея, глава 8, стих 26.

Глава вторая

Недостаток спортивного мастерства Флоренс с лихвой восполняла азартом и необузданной страстностью, поэтому если кто и мог одержать победу в теннисном турнире, полагаясь лишь на силу воли и духа, так это Флоренс Лайтфут.

Летом Даши всегда организовывали теннисный турнир, и обитатели залива Гулливера предвкушали его с радостным нетерпением. Состязание длилось две недели и проходило в Педреван-парке, родовой усадьбе Дашей, славившейся великолепным дворцом в елизаветинском стиле. Уильям Даш, некогда капитан школьной теннисной команды, лично подбирал пары и составлял сетку соревнований на основании рейтингов, заработанных игроками в прошлом году. Флоренс молилась, чтобы ее поставили в пару с Обри. Она не просила ничего невозможного: Обри играл первоклассно, а значит, в партнеры ему полагался игрок третьего сорта. Но Небеса не склонили слух к ее мольбам, и Обри выпало играть на пару с Элиз. Не иначе как, подозревала Флоренс, из-за коварного женского вмешательства. Флоренс предстояло играть с Джоном Клэрмонтом, двоюродным братом Обри, одним из лучших теннисистов округа.

Педреван-парк раскинулся среди лугов с сочной травой, на которых пасли скот, и полей золотистой пшеницы. Посреди парка высился невероятно роскошный дворец постройки шестнадцатого века: с фронтоном, стройными печными трубами, арочными окнами в узких прямоугольных проемах, к сожалению не выходивших на море, и двускатной крышей. В необозримых просторах парка за тисовыми изгородями прятались укромные аллеи, а за высокими каменными стенами скрывались дендрарии, огороды и даже искусственное озеро с ротондой в неоклассическом стиле и статуей богини морей Амфитриты, любующейся своим неземным отражением в водной глади. Парка грандиознее, чем Педреван, было не найти во всем заливе Гулливера, но Даши не раздувались от самодовольства: благодарные Небу, наградившему их баснословным богатством, они распахивали двери для всех, кто хотел развлечься, потому что любили людей и не обращали внимания ни на их вероисповедание, ни на классовую принадлежность. Они просто хотели видеть вокруг счастливые и веселые лица.

А так как веселье в Педреван-парке не прекращалось, все жители залива Гулливера в трепетном волнении ждали приглашений от Дашей. Те щедро их рассылали и, не скупясь на закуски и угощения, позволяли гостям свободно разгуливать и по внутренним покоям своего блистательного дворца, и по аллеям своего чудесного парка.

– В конце концов, – смеясь, восклицала беззаботная Селия, – какой толк доводить усадьбу до совершенства, если этим совершенством некому любоваться?

Скромные и беспечные, благородные и непритязательные Даши, с уважением относившиеся ко всем без исключения, с какой-то врожденной естественностью пробуждали в людях желание проявлять себя во всей красе. Чему немало способствовал и теннисный турнир: поголовно все тщеславные юноши и не менее заносчивые девушки заявлялись в Педреван-парк не иначе как в парадном, белоснежно-белом облачении чемпионов Уимблдона. В то лето Флоренс щеголяла в белых теннисных шортах с нашитыми вдоль карманов пуговицами с якорями и коротеньком вязаном свитере с рукавами-фонариками. Светло-русые волосы она приподняла и небрежно заколола шпильками, оставив свисать по краям кокетливые локоны. Консервативная Унифред предпочла строгое, до колен, плиссированное теннисное платье и, отдавая единственную дань моде, взбила в пышную пену свои коротко обрезанные волосы. «Кокетка», – съехидничала про себя Флоренс. Сестры оседлали велосипеды и, зажав под мышками теннисные ракетки, отправились к Педреван-парку по узким тропинкам, прикрытым палой листвой.

Спустя некоторое время они, пыхтя и усердно давя на педали, въехали в открытые железные ворота и покатали по змеевидной подъездной дорожке, плавно изгибающейся между ухоженными газонами. Вдруг мирное чириканье птиц над их головами захлебнулось в реве

мотора. Испуганные девушки свернули на траву, и мимо них, зловеще рыча, промчался ярко-красный «астон мартин» с откинутым верхом. В салоне, отделанном бархатом и деревом, небрежно крутил руль темноволосый молодой человек в солнцезащитных очках. Сестры сразу узнали его: Руперт Даш, старший брат Обри.

– Вот грубиян! – в сердцах воскликнула Уинифред вслед несущемуся к дому автомобилю. – Мог бы и притормозить.

– И рукой помахать, – согласилась Флоренс, запрыгивая в седло. Они вновь закрутили педали. – Несется как угорелый. Можно подумать, без него не начнут!

– Мне кажется, он вне игры. Он к теннису равнодушен.

– А чем он занимается?

– Нос задирает, – фыркнула Уинифред, – ну и еще, насколько знаю, учится в Королевском сельскохозяйственном колледже в Сайренсестере. Ведь, как ни крути, именно он наследует усадьбу. По слухам, зимой он пропадает на охоте, а летом – на юге Франции, дегустирует шампанское.

– Неплохо, – цокнула языком Флоренс.

– Да уж, быть Дашем совсем неплохо.

– Надеюсь стать одной из них, – хихикнула Флоренс, улыбнулась и прибавила скорость.

Уинифред закатила глаза.

Вместо того чтобы объезжать дом, сестры поехали напрямик к теннисному корту, срезав путь по проторенной дорожке через липовую аллею. Безукоризненно подстриженный травяной корт, затененный развесистым каштаном и обставленный деревянными скамьями для зрителей, занимал часть широченного крокетного поля. Рядом с кортом раскинули шатер, а перед шатром, на опорах-козлах, взгромоздили длинный обеденный стол, уставив его стаканами и кувшинами с лимонадом и тарелками с бисквитными пирогами и печеньем. Справа от стола возвышался мольберт с гигантским листом картона – расписанием игр. Вокруг стола роилась плотная, одетая в белое толпа, а на корте перед стартом вовсю разминались две смешанные пары. Уильям Даш в панаме и льняном пиджаке энергично вышагивал по лугу и властно, но неизменно вежливо раздавал указания. Юные кузены Дашей, которых по малолетству не допускали до турнира, подавали мячи, а Джулиан Даш, младший братишка Обри, добровольно вызвавшийся следить за чистотой соревнований, пытался удобно устроиться на верхотуре судейского стула. Флоренс тотчас углядела Обри: тот вольготно расположился на пледе, а рядом с ним чинно восседали его сестра Синтия и его партнерша по игре Элиз. Флоренс рванула к ним, но кто-то схватил ее за плечо.

– Привет, партнер! – гаркнул Джон Клэрмонт, двоюродный братец Обри.

С обожанием глядя на Флоренс, он размахнулся стиснутой в ладони ракеткой, словно отбивая мяч.

– А, это ты, Джон, – приветливо улыбнулась Флоренс. – Когда наша очередь?

– Нескоро. Зато у нас превосходные шансы выиграть первый матч. Джейн никуда не годится, да и Фредди ей под стать – ни рыба ни мясо. Ужасно несобранный, но когда на него находит – только держись, у него словно крылья за спиной вырастают. Но если ты отобьешь подачи, обещаю уложить эту парочку на обе лопатки.

– Чудненько. Я тебя не подведу.

– Так и знал, что на тебя можно положиться, старушка. Ты испытанный боец. – Джон пронзил взглядом Обри, своего злейшего соперника, и твердо произнес: – На этот раз я нашего золотого мальчика в финале разделаю под орех.

– Полагаешь, мы можем пробиться в финал?

– У нас все козыри на руках. Этим летом я в превосходной форме. Знать бы только, как эта лягушатница играет, – скривился он, мотнув головой в сторону Элиз.

– Если она хороша, нам ничего не светит.

– Ерунда, я готов свернуть горы. Не желаешь чего-нибудь выпить?

– Очень даже желаю.

Они направились к шатру. Проходя мимо Обри, разлегшегося на пледе с сестрой и Элиз, Джон ослабил в звериной ухмылке. Обри ослабил в ответ – ни дать ни взять два льва, претендующих на одну территорию.

– Привет, Синтия, – поздоровалась Флоренс, старательно отводя взгляд от Обри.

– Присоединяйся к нам, Фло! – воскликнула Синтия, похлопывая по пледу. – Надо подбодрить Элиз. Представляешь, она не хочет играть!

– Будь так добр, принеси мне, пожалуйста, лимонада. – Флоренс ослепила Джона лучезарной улыбкой, чтобы он не вздумал на нее обижаться, и уселась рядом с его заклетыми противниками. – Флоренс Лайтфут, – представилась она, протягивая руку Элиз.

Элиз вяло ее пожалала. Ее ладошка, мягкая и крошечная, как мышка, утонула в ладони Флоренс. «Бедная скромняжка, – подумала Флоренс. – Наверняка и в теннис-то играть не умеет».

– Фло – моя лучшая подруга, – Синтия лукаво подмигнула Элиз, – и не будет возражать, если скажу, что теннисистка она никудышная.

Флоренс расхохоталась. Неудачи в теннисе ее не задевали.

– Невозможно! Поверить не могу! – воскликнула Элиз с сильным французским акцентом, изумленно оглядывая спортивную фигурку Флоренс и ее длинные стройные ноги.

– О, так оно и есть, – заверила ее Флоренс, – но я все равно рассчитываю на победу.

– Привет, Флоренс, – дружелюбно произнес Обри и флегматично скользнул по ней серыми глазами, словно она для него ничего не значила.

– Привет, Обри, – кивнула Флоренс и снова обернулась к Элиз. – Тебе не стоит волноваться, – сказала она с ухмылкой, – твой партнер – Обри, а он здесь лучший игрок. Просто стой возле сетки и не мешай ему. Он сделает за тебя всю работу, и вы в мгновение ока окажетесь в финале.

Обри рассмеялся, лицо его сморщилось, расплылось умильными складочками, и у Флоренс голова пошла кругом.

– Элиз разочаруется, когда обнаружит, что я далеко не столь хорош, как ты меня описала, Флоренс.

– Неправда, ты очень хорош, Обри, – горячо возразила Флоренс, и щеки ее запылали пунцовым румянцем. – В игре с тобой никто не сравнится, и ты это знаешь.

– Джон – неукротимый борец. Одолеть его непросто. – Обри лениво затянулся сигаретой. – По правде говоря, у вас двоих неплохие шансы. Не удивлюсь, если в этом году приз достанется вам.

– Не преувеличивай, – отмахнулась Флоренс. – Я оплошаю и подведу его.

– Да ладно тебе, – улыбнулась Синтия, – никто из нас не творит на корте чудес. Мы просто развлекаемся. Цель – повеселиться, а не победить. И Обри ничуть не рассердится, если проиграет. Верно, Обри?

– Верно, проиграть в смешанном парном матче – пустяки. Другое дело, если Джон вырвет победу, сражаясь со мной один на один.

Обри ласково посмотрел на Элиз.

– Ни о чем не беспокойся, – сказал он. – Неважно, как ты играешь. Мы просто развлекаемся. Резвимся, коротая долгие летние деньки. Если нас вышибут в первом же туре, отправимся играть в крокет.

– Хорошо, – пролепетала Элиз голосом нежным, как французский сыр бри. – Я буду играть.

– Здорово! – обрадовалась Синтия.

– Молодчина, Элиз! – поддержала ее Флоренс.

– А тебе известно, что крокет изобрели во Франции? – спросил Обри, не отводя глаз от Элиз.

– Неужели?

– Да. Он назывался тогда jeu de mail. Англичане своровали идею, а шотландцы на ее основе придумали гольф. – Обри хихикнул. – Бесплезная информация, не забивай себе голову.

– А я люблю забивать себе голову бесполезной информацией, – встряла Флоренс. – К тому же теннис, вероятнее всего, тоже зародился во Франции. Французы играли в мяч, отбивая его руками от стены, а англичане усовершенствовали игру, взяв в руки ракетки.

– Откуда такие сведения, Флоренс? – изумился Обри.

– Да так, – пожала она плечами, – слышала где-то. Кажется, мне об этом рассказал дедушка. Он все про все знает.

Появился Джон с лимонадом.

– Прости, задержался, – сказал он, протягивая Флоренс стакан. – Твоя сестра меня перехватила. Вернусь позже, когда нас объявят.

Дождавшись, когда Джон уйдет, Флоренс поворотилась к Обри, но тот, к ее великому разочарованию, увлекся беседой с Элиз, и ей показалось бестактным вклиниваться в их разговор. Поэтому она удовольствовалась болтовней с Синтией, своей доброй и верной подругой.

Внезапно ее внимание привлек молодой человек, неспешно разгуливавший по лужайке. Вместо теннисного обмундирования на нем были светло-серые широкие брюки и голубая вязаная рубашка с короткими рукавами. Его зачесанные назад темно-каштановые волосы опускались на лоб, что придавало его надменному лицу пленительное выражение сошедшей с экрана кинозвезды. «Руперт Даш», – догадалась Флоренс.

Статный, как все Даши, красавец Руперт прельщал аристократическим орлиным носом и полными, искривленными в дерзкой усмешке губами. Однако его привлекательности не хватало сердечности и безмятежности, свойственных всем Дашам, а в облике сквозила плохо скрываемая угроза. Выделяясь среди окружающих подобно волку, затесавшемуся в стадо овец, он невольно притягивал взгляд Флоренс.

– Твой братец чуть не переехал нас на подъездной дорожке, – пожаловалась она подруге.

– Он просто хвастался своей машиной, – покатила со смеху Синтия.

– Машина отличная, – согласилась Флоренс, – вот только чересчур громкая.

– Зато девушки от таких машин без ума.

– Могу себе представить, – фыркнула Флоренс, продолжая созерцать Руперта.

Заложив руки в карманы, тот застыл возле корта, заинтересованно глядя на игру. Правда, он чуть-чуть опоздал. Игра закончилась, и игроки обменивались рукопожатиями. Внезапно перед Флоренс возник запыхавшийся Джон. Лицо его светилось от счастья.

– Наша очередь! – возбужденно прокричал он.

– Удачи, Фло! – махнула на прощание Синтия, и Флоренс, поднявшись, поспешила за напарником.

Поглощенные друг другом Обри и Элиз ее ухода не заметили.

В шортах Флоренс выглядела потрясающе. Ее стройные, идеальной формы ноги неизменно вызывали искреннее восхищение, и ей это льстило. Во время разминки Флоренс перебрасывалась мячом с Джейн и наблюдала, как Фредди жесточенно бомбардирует Джона кручеными подачами, а Джон спокойно, без усилий их отбивает. «Какой Джон все-таки великолепный игрок», – с упоением подумала она. Если она возьмет все подачи соперника, то о дальнейшем можно не волноваться – Джон уверенно приведет их к победе. Краем глаза она заметила Руперта: с сигаретой в зубах, он поглядывал на них сквозь ячейки ограждавшей корт сетки-рабицы.

Матч начался. Подавал Фредди. Флоренс стиснув зубы буравила взглядом бешено вращавшийся мяч, который летел к ней с невероятной скоростью. Раз уж Фредди вопреки всем правилам вежливости удостоил ее «пушечной» подачи, значит, все, что ей надо сделать, – это подставить ракетку под отскочивший от корта мяч, и мяч, не сбавляя скорости, отрикошетит и помчится назад. Флоренс отвела ракетку. Джон с беспокойством поглядел на нее, боясь, что она промахнется. Напрасно. Соприкоснувшись с ракеткой Флоренс, мяч отскочил, перелетел через сетку и просвистел мимо левого уха Джейн. Фредди разинул рот. Он ведь не сомневался, что выигрышное очко у него в кармане.

Кто-то за спиной Флоренс хлопнул в ладоши и крикнул: «Браво!» Руперт!

– В следующий раз наглец будет знать, как забывать о приличиях, – рассмеялся старший сын Дашей. – Ты дала ему достойный ответ!

– Верно-верно, – поддержал сына Уильям Даш, подходя к сетке. – Фредди Лейкок! Я убедительно просил бы тебя вспомнить о хороших манерах, когда в следующий раз будешь подавать юной леди.

В Педреван-парке, насколько знала Флоренс, существовали неписанные правила игры, требовавшие галантного отношения к дамам.

Матч продолжался. Флоренс отбила большинство подач, но, по правде говоря, толку от нее было мало: даже когда мяч пролетал рядом, у нее не хватало мужества дотронуться до него ракеткой. Поэтому Джон приказал ей стоять у сетки, возле боковой линии, и не двигаться. Он хотел максимально вывести ее из игры. Пару раз Флоренс перехватывала взгляд Джейн, по всей видимости получившей точно такие же указания от Фредди, и девушки обменивались сочувственными улыбками. Чаша весов явно склонялась в пользу Джона. Фредди горячился, орал на Джейн, когда она мазала по мячу – бедняжке никак не удавались удары слева, – и все отчетливее видел признаки неумолимо приближавшегося разгрома. Коронные удары самого Фредди, такие пугающие поначалу, растеряли мощь и разящую силу, и поданные или отбитые им мячи, как правило, уходили в аут.

– Опять наш друг переборщил, – потешался Руперт.

Флоренс приготовилась к решающей подаче. Если они с Джоном выиграют этот гейм, то выиграют и весь сет.

– Сотри их в порошок, солнышко, – подзадорил ее Руперт. – Покажи класс! Гейм, сет и матч.

Флоренс взмахнула ракеткой, мяч дугой взмыл в небо и медленно опустился на корт, в «коридор» Фредди. Фредди, взбешенный, с налитыми кровью глазами, бросился к нему, но лишь слегка задел ракеткой по упругому ворсистому боку. Плюх – и мяч укатился за пределы корта. Руперт зажал сигарету зубами и заплодировал.

– Bravo, красавица и чудовище! – одобрительно крикнул он и повернулся к отцу. – А это интереснее, чем я ожидал. Пожалуй, я тут задержусь.

– Отлично, напарник! – завопил в ухо Флоренс Джон, когда они подошли к сетке. – Прекрасная работа. Ты держалась молодцом. Продолжай в том же духе, и следующий тур будет за нами.

Флоренс обменялась рукопожатиями с хмурым, как туча, Фредди и благожелательной Джейн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.